LIFE FOR GOD

Лекции моим студентам

Чарльз Сперджен

ИСКУССТВО ПРОПОВЕДИ

Лекция 1. Внимай себе

Первая серия · Выпуск 1

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Первая серия (1875). Выпуск 1: полная первая лекция.

Это полный текст первой лекции, а не всей книги. Перевод остальных двенадцати лекций первой серии продолжается.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Английская электронная транскрипция сопоставлена со сканом издания Sheldon & Company (Нью-Йорк, 1875), с. 11–34. Исправлены ошибки распознавания, восстановлена греческая цитата и уточнено место авторской сноски. Сохранены исторические формулировки и особенности английского словоупотребления транскрипции. Новый русский перевод выполнен по этому английскому тексту.

Исторический английский текст находится в общественном достоянии в США. Современные предисловия, комментарии и чужие русские переводы в издание не включены.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Примечания редакции отделены от текста. Номера абзацев введены для удобства ссылок.

Читать на сайте Life for God →

Источники

C. H. Spurgeon, Lectures to My Students. New York: Sheldon & Company, 1875

Spurgeon HQ · First Series · The Minister’s Self-Watch (electronic transcription)

Содержание

Об издании 2

Источники 2

Содержание 3

Лекция 1. Внимай себе 4

Примечания 31

Лекция 1. Внимай себе

[1] «Вникай в себя и в учение». — 1 Тимофею 4:16.

[2] Каждый мастер знает, что инструменты необходимо содержать в исправности: ведь «если притупится железо, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы». Когда топор затупился, мастер понимает, что ему придётся тратить больше сил, иначе работа будет выполнена плохо. Микеланджело, избранник изящных искусств, так хорошо понимал значение инструментов, что всегда собственноручно изготовлял себе кисти. В этом мы видим подобие действия Бога благодати, Который с особой заботой готовит для Себя каждого истинного служителя. Конечно, Господь, подобно Квентину Массейсу в предании об ограде антверпенского колодца, может работать и самым несовершенным инструментом: порой Он использует даже весьма неразумную проповедь для обращения людей. Он может действовать и вовсе без посредников, спасая человека без проповедника и непосредственно прилагая слово к его сердцу Святым Духом. Но исключительные действия Божьего полновластия не могут служить правилом для нас. В Своей неограниченной свободе Он вправе поступать так, как Ему угодно; нам же следует руководствоваться тем, чему учит обычный и ясно различимый порядок Его действий. Один из несомненных фактов состоит в том, что Господь обычно сообразует средства с целью. Отсюда следует простой урок: вероятнее всего, мы совершим больше, находясь в наилучшем духовном состоянии. Иными словами, обычно мы лучше всего исполняем дело нашего Господа, когда наши дарования и благодатные качества в

порядке, и хуже всего — когда они пришли в расстройство. Это практическая истина, которой мы должны руководствоваться; исключения, допускаемые Господом, лишь подтверждают правило.

[3] В известном смысле мы сами — собственные инструменты, а потому обязаны содержать себя в порядке. Если я хочу проповедовать Евангелие, то могу пользоваться только своим голосом; следовательно, мне необходимо развивать его возможности. Я могу мыслить только собственным умом и чувствовать только собственным сердцем; значит, должен воспитывать свои умственные и душевные способности. Плакать о людях и мучительно бороться за их души я могу лишь силами своей обновлённой природы; поэтому должен бдительно сохранять в себе ту чуткость, которая была во Христе Иисусе. Напрасно я буду пополнять библиотеку, учреждать общества и разрабатывать планы, если пренебрегаю работой над собой. Книги, организации и системы — лишь косвенные орудия моего святого призвания; мой собственный дух, душа и тело — ближайшие средства священного служения. Мои духовные силы и моя внутренняя жизнь — вот мой боевой топор и оружие. Макчейн, обращаясь в письме к другу-служителю, который путешествовал ради совершенствования в немецком языке, выразил ту же мысль: «Я знаю, что ты будешь усердно заниматься немецким, но не забывай о воспитании внутреннего человека — я говорю о сердце. Как старательно кавалерийский офицер хранит свою саблю чистой и острой! С какой тщательностью стирает с неё каждое пятнышко! Помни: ты — Божий меч, Его орудие; надеюсь, избранный Его сосуд, которому поручено нести Его имя. Успех в значительной мере зависит от чистоты и

совершенства орудия. Бог благословляет не столько великие таланты, сколько сходство с Иисусом. Святой служитель — грозное оружие в руке Божьей».

4 Духовное расстройство самого вестника Евангелия — тяжелейшее бедствие и для него, и для его дела. И всё же, братья мои, как легко возникает это зло и какой бдительности требует защита от него! Однажды я ехал скорым поездом из Перта в Эдинбург. Внезапно мы остановились: в одном из двигателей сломался совсем маленький винт — в сущности, у каждого паровоза два двигателя. Когда мы снова тронулись, пришлось ползти, потому что работал лишь один поршневой шток вместо двух. Не хватало всего одного винтика! Будь он цел, поезд мчался бы по железному пути; но отсутствие этой ничтожной железки расстроило весь механизм. Рассказывают, что на одной из железных дорог Соединённых Штатов поезд остановился из-за мух, попавших в смазочные коробки колёс. Сходство полное: человек, во всех прочих отношениях пригодный для полезного дела, из-за малого недостатка может оказаться сильно стеснённым в работе или вовсе бесполезным. Это тем печальнее, что речь идёт о Евангелии, по самой своей природе способном приносить величайшие плоды. Страшно, когда целительный бальзам теряет силу по вине того, кто неумело его применяет. Все вы знаете, как часто вода портится, протекая по свинцовым трубам. Так и само Евангелие, проходя через духовно нездоровых людей, может быть искажено настолько, что станет вредоносным для слушателей. Боюсь, кальвинистское учение превращается в чрезвычайно дурное наставление, когда его излагают люди нечестивой жизни и представляют как прикрытие распущенности. С другой стороны, арминианство с его широко открытым предложением

милости может тяжело повредить душам, если беспечный тон проповедника внушает слушателям, будто они способны покаяться в любую удобную минуту и потому евангельский призыв не требует немедленного ответа. Более того, если проповедник беден благодатью, то даже прочное добро, возникшее благодаря его служению, обычно окажется слабым и несоразмерным тому, чего можно было ожидать. За обильным севом последует скудная жатва; прибыль от вверенных талантов будет почти незаметной. Говорят, что два или три поражения в недавней американской войне объяснялись плохим порохом, поставленным армии недобросовестными подрядчиками: артиллерийский огонь не производил должного действия. То же может случиться с нами. Мы можем промахнуться, не достигнуть цели и потратить время впустую, потому что в нас нет подлинной жизненной силы — или её недостаточно, чтобы Бог мог благословить нас, не противореча Своим святым целям. Берегитесь быть проповедниками низкой пробы.

[5] Одной из первых наших забот должно быть то, чтобы мы сами были спасёнными людьми.

[6] Тот, кто учит Евангелию, прежде должен сам стать его причастником. Истина проста, но это правило первостепенной важности. Мы не принадлежим к тем, кто признаёт апостольское преемство молодых людей только потому, что они сами на него притязают. Если годы их учёбы отличались скорее весельем, чем духовной жизнью, если их награды связаны скорее со спортивными упражнениями, чем с трудами ради Христа, мы требуем иных свидетельств, нежели те, которые они могут представить. Ни суммы, уплаченные учёным докторам, ни объём классических знаний, полученных взамен, не кажутся нам доказательствами призвания свыше. Первое непременное условие — истинное, неподдельное благочестие. На какое бы «призвание» человек ни ссылался, если он не призван к святости, то, несомненно, не призван и к служению.

[7] «Сперва приведи в порядок себя, а потом украшай брата», — говорят раввины. «Рука, желающая очистить другого, — говорит Григорий, — сама не должна быть грязной». Если ваша соль потеряла силу, как вы осолите других? Обращение — необходимое условие служения. Вы, стремящиеся на наши кафедры, «должны родиться свыше». И никому нельзя считать это первое качество чем-то само собой разумеющимся: вполне возможно ошибаться относительно того, обращены мы или нет. Поверьте мне: утверждать своё призвание и избрание — не детская забава. Мир полон подделок и кишит людьми, потакающими плотскому самомнению; они слетаются к

служителю, как стервятники к падали. Наши собственные сердца лукавы, так что истина лежит не на поверхности: её приходится доставать из глубочайшего колодца. Мы должны исследовать себя с величайшей серьёзностью и тщательностью, чтобы, проповедуя другим, самим не оказаться отверженными.

[8] Как ужасно быть проповедником Евангелия и оставаться необращённым! Пусть каждый из присутствующих тихо скажет своей душе: «Как страшно будет, если я сам не знаю силы той истины, которую готовлюсь возвещать!» Необращённое служение создаёт самые противоестественные положения. Пастор, лишённый благодати, подобен слепцу, избранному профессором оптики: он рассуждает о свете и зрении, объясняет другим тончайшие оттенки и нежные сочетания цветов призмы, а сам пребывает в полной темноте! Он — немой на кафедре музыки; глухой, красноречиво говорящий о симфониях и гармонии! Он — крот, взявшийся воспитывать орлят; морское блюдечко, избранное начальствовать над ангелами. Здесь были бы уместны самые нелепые и гротескные сравнения, если бы предмет не был столь серьёзен. Человек оказался в страшном положении: он взялся за дело, к которому совершенно, всецело, безусловно непригоден; однако эта непригодность не освобождает его от ответственности, потому что он добровольно её принял. Какими бы ни были его природные дарования и умственные способности, к духовному делу он совершенно не годен, если не имеет духовной жизни. Его долг — оставить служительскую должность, пока он не приобретёт это первое и самое простое условие пригодности к ней.

9 Необращённое служение столь же страшно и с другой стороны. Если человек не послан Богом, в каком несчастном положении он находится! Что в духовном опыте своей паствы может он найти себе в утешение? Что должен он чувствовать, слыша вопли кающихся, их тревожные сомнения и глубокие страхи? Должно быть, он изумляется, что его слова получили такое подтверждение! Слово необращённого человека может быть благословлено к обращению душ: Господь, не признавая самого человека, всё же чтит Свою истину. В какое замешательство должен приходить такой служитель, когда к нему обращаются с трудностями зрелые христиане! На пути духовного опыта, которым идут его возрождённые слушатели, он неизбежно теряется. Как ему слушать об их радости на смертном одре или разделять их восторженное общение за трапезой Господа?

10 Молодые люди, отданные в обучение ненавистному ремеслу, нередко убегали в море, лишь бы не заниматься тягостным делом. Но куда бежать человеку, который на всю жизнь связан с этим святым призванием и при этом совершенно чужд силе благочестия? Как он может ежедневно звать людей ко Христу, сам не зная Его любви, явленной в смерти? О друзья, это ведь непрестанное рабство! Такой человек должен ненавидеть вид кафедры так же, как галерный раб ненавидит весло.

11 И как бесполезен должен быть такой человек! Ему приходится вести путников по дороге, которой он никогда не проходил, направлять корабль вдоль берега, ни одного ориентира которого он не знает. Он призван наставлять других, сам оставаясь невеждой. Чем он может быть, кроме безводного облака, дерева, на котором одни

листья? Представьте караван в пустыне: люди изнемогают от жажды, готовы умереть под палящим солнцем, наконец добираются до долгожданного колодца — и, ужас из ужасов, не находят в нём ни капли воды! Так и души, жаждущие Бога, приходя к служителю без благодати, оказываются на грани гибели: воды жизни здесь нет. Лучше вовсе упразднить кафедры, чем поставить на них людей, не имеющих опытного знания того, чему они учат.

12 Увы, невозрождённый пастор становится ещё и чрезвычайно вредоносным: среди причин, порождающих неверие, нечестивые служители занимают одно из первых мест. На днях я читал, что никакая разновидность зла не обладает такой поразительной разрушительной силой, как необращённый приходской служитель с органом стоимостью в тысячу двести фунтов, хором нечестивых певцов и аристократической паствой. Автор считал, что вне ада нельзя найти более сильного орудия, ведущего людей к погибели. Люди приходят в свой молитвенный дом, удобно усаживаются и думают, что, конечно же, являются христианами. Между тем вся их религия состоит в слушании оратора, услаждении слуха музыкой и, возможно, глаз — изящными жестами и модными манерами. Всё это ничуть не лучше того, что они слышат и видят в опере; быть может, даже уступает ей в художественном отношении и ни на йоту не превосходит её в духовном. Тысячи людей довольны собой и даже благодарят Бога за то, что они благочестивые поклонники, а сами продолжают жить невозрождёнными, без Христа: имеют вид благочестия, но отрекаются от его силы. Тот, кто возглавляет систему, не стремящуюся ни к чему выше внешней обрядности, гораздо больше служитель дьявола, чем служитель Бога.

[13] Проповедник, ограничивающийся внешней формой, вредоносен, даже пока сохраняет видимое равновесие. Но поскольку у него нет удерживающей силы благочестия, рано или поздно он почти неизбежно оступится в нравственной жизни. И в каком положении он тогда окажется! Как будут хулить Бога и поносить Евангелие!

[14] Страшно подумать, какая смерть ждёт такого человека и что будет с ним после неё! Пророк изображает вавилонского царя, сходящего в преисподнюю: все цари и князья, которых он погубил и чьи столицы разорил, встают со своих мест в царстве мёртвых и приветствуют павшего тирана язвительной насмешкой: «И ты сделался подобен нам?» Разве нельзя представить, как человек, бывший служителем, но проживший без Христа в сердце, сходит в ад, а все заключённые там духи, некогда слушавшие его, и все нечестивцы его прихода поднимаются и горько говорят: «И ты стал таким, как мы? Врач, неужели ты не исцелил самого себя? Ты, называвший себя сияющим светильником, низвергнут во тьму навеки?» О, если уж погибнуть, то только не так! Погибнуть в тени кафедры страшно; насколько же страшнее погибнуть на самой кафедре!

[15] В сочинении Джона Беньяна «Вздохи из ада» есть ужасный отрывок, который часто звучит у меня в ушах: «Сколько душ погубили слепые священники своим невежеством! Их проповедь была для душ тем же, чем крысиный яд — для тела. Боюсь, многим из них придётся отвечать за целые города. Ах, друг! Говорю тебе: взявшись проповедовать народу, ты, возможно, взялся за нечто, чего сам не понимаешь. Разве не будет тебе мучительно видеть, как весь твой приход с рёвом следует за тобой в ад, крича: “Вот за что мы должны благодарить

тебя! Ты боялся говорить нам о наших грехах, чтобы мы не перестали достаточно исправно набивать тебе рот. О проклятый несчастный! Ты, слепой вождь, не удовольствовался тем, что сам упал в яму, но увёл туда и нас!”»

[16] Ричард Бакстер в «Реформированном пасторе», среди множества других серьёзных наставлений, пишет: «Внимайте себе, чтобы самим не оказаться лишёнными той спасительной благодати Божьей, которую вы предлагаете другим, и чуждыми действенной силе Евангелия, которое проповедуете; чтобы, возвещая миру необходимость Спасителя, не пренебречь Им в собственном сердце и не остаться без участия в Нём и Его спасительных благах. Внимайте себе, чтобы не погибнуть, предостерегая других от погибели, и не умереть с голоду, приготовляя им пищу. Хотя обращающим многих к правде обещано сиять, как звёзды (Даниил 12:3), это предполагает, что прежде они сами обратились к правде: такие обещания даются caeteris paribus, et suppositis supponendis — при прочих равных условиях и при соблюдении необходимых предпосылок. Искренность их собственной веры есть условие их славы как таковой, хотя великие труды служения могут быть условием обещания большей славы. Многие предостерегали других, чтобы те не попали в место мучения, и при этом сами спешили туда. Немало проповедников ныне в аду, хотя они сотни раз призывали слушателей приложить все старания, чтобы его избежать. Может ли разумный человек вообразить, что Бог спасёт людей за то, что они предлагали спасение другим, сами от него отказываясь, и сообщали другим истины, которыми сами пренебрегали и злоупотребляли? Многие портные ходят в лохмотьях, хотя шьют другим дорогие одежды; многие повара едва

облизывают пальцы, приготовив другим самые изысканные блюда. Поверьте, братья: Бог никогда не спасал человека за то, что тот был проповедником, и даже за то, что был искусным проповедником, но спасал как оправданного и освящённого человека, а потому и верного в деле своего Господина. Поэтому прежде всего внимайте себе: будьте теми, кем убеждаете стать других; верьте в то, во что ежедневно убеждаете верить их; всем сердцем примите Того Христа и Того Духа, Которых предлагаете другим. Повелевший вам любить ближних, как самих себя, тем самым подразумевал, что вы должны любить и себя, а не ненавидеть и губить и себя, и их».

17 Братья мои, пусть эти веские слова произведут на вас должное действие. Кажется, больше ничего добавлять не нужно. Но я прошу вас: исследуйте себя и тем самым извлеките настоящую пользу из сказанного.

[18] Когда решён этот первый вопрос — о подлинности веры, — следующей по важности заботой служителя должна стать жизненная сила его благочестия.

[19] Он не должен довольствоваться положением рядового христианина: ему надлежит быть зрелым, преуспевшим в вере человеком. Ведь служителей Христа справедливо назвали «лучшими из Его избранных, избранными из Его избрания, церковью, выделенной из церкви». Будь человек призван к обычному положению и обычному труду, он, возможно, удовлетворился бы обычной мерой благодати, хотя и такое довольство было бы ленивым. Но, будучи избран для особенных трудов и призван на место необычайной опасности, он должен стремиться к той превосходящей обычную силе, которая одна соответствует его положению. Пульс его живого благочестия должен биться сильно и ровно; око веры — быть ясным; шаг решимости — твёрдым; рука действия — быстрой; весь внутренний человек — обладать наилучшим здоровьем. Говорят, египтяне выбирали жрецов из самых учёных философов, а затем так высоко ценили жрецов, что из их числа избирали царей. Нам нужны для Божьего служения лучшие из всего христианского воинства — такие люди, что, если бы народу потребовались цари, ему нечего было бы желать лучшего, чем возвести их на престол. Самые слабые умом, робкие, плотские и неуравновешенные из нас не годятся в кандидаты на кафедру. Есть работы, которых мы никогда не поручили бы больному или увечному. Человек может быть непригоден для подъёма на высокие здания: у него кружится голова, и высотная работа подвергла бы его большой опасности. Пусть он непременно остаётся на

земле и найдёт полезное занятие там, где устойчивость к головокружению не столь важна. Есть братья с подобными духовными недостатками: их нельзя призывать к заметному и возвышенному служению, потому что они не умеют держаться на высоте. Стоит им добиться небольшого успеха, и они опьянеют от тщеславия — порока, слишком распространённого среди служителей, менее всего им подобающего и вернее всего ведущего к падению. Если бы нашему народу пришлось защищать родные дома и очаги, мы не послали бы навстречу врагу мальчиков и девочек с мечами и ружьями. Так и церковь не должна посылать защищать веру любого бойкого новичка или неопытного ревнителя. Страх Господень должен научить молодого человека мудрости, иначе путь к пастырству для него закрыт; благодать Божья должна сделать его дух зрелым, иначе лучше ему подождать, пока не будет дана сила свыше.

[20] Необходимо старательно поддерживать самый высокий нравственный облик. Многие, вполне пригодные быть простыми членами церкви, непригодны к церковной должности. Я придерживаюсь очень строгих взглядов относительно христиан, впавших в тяжкий грех. Я радуюсь тому, что они могут подлинно обратиться и что их можно принять в церковь, сочетая надежду с осторожностью. Но я сомневаюсь — глубоко сомневаюсь, — что тяжко согрешившего человека следует с готовностью возвращать на кафедру. Как замечает Джон Энджелл Джеймс: «Если проповедник праведности стоял на пути грешных, ему не следует вновь открывать уста в великом собрании, пока его покаяние не станет столь же известным, как его грех». Пусть те, кого обрили сыны Аммона, остаются в Иерихоне, пока не отрастут бороды. Эти слова часто обращали в насмешку к безбородым

юношам, к которым они явно не относятся; зато они вполне точно подходят как образ людям обесчещенным, утратившим доброе имя, сколько бы лет им ни было. Увы, однажды сбритую бороду репутации трудно отрастить вновь. Открытая безнравственность в большинстве случаев, каким бы глубоким ни было покаяние, служит роковым признаком того, что благодатные качества служителя никогда не были свойственны этому человеку. Жена Цезаря должна быть выше подозрений; не должно быть и дурных слухов о прежнем несоответствии жизни служителя его призванию, иначе надежда на полезное служение будет слабой. Таких падших следует принимать в церковь как кающихся; их можно принять и в служение, если Сам Бог поставит их туда. Я сомневаюсь не в этом, а в том, ставил ли их туда Бог вообще. Моё убеждение состоит в том, что мы должны крайне неохотно помогать возвращению на кафедру людей, которые уже прошли испытание и показали, что у них слишком мало благодати, чтобы выдержать решающую проверку служительской жизни.

[21] Для некоторых дел мы выбираем только сильных. И когда Бог призывает нас к служительскому труду, мы должны искать благодати, чтобы укрепиться и стать пригодными к своему положению, а не оставаться новичками, увлекаемыми сатанинскими искушениями во вред церкви и на собственную погибель. Нам надлежит стоять во всеоружии Божьем, готовыми к подвигам, которых не ожидают от других. Самоотречение, забвение себя, терпение, постоянство и долготерпение должны стать для нас повседневными добродетелями. Но кто способен к этому? Нам необходимо жить очень близко к Богу, если мы хотим оказаться верными своему призванию.

22 Помните, служители: от силы вашего благочестия зависит вся ваша жизнь, особенно пастырская. Если ревность охладевает, вы будете плохо молиться на кафедре, ещё хуже — в семье и хуже всего — наедине, в своём кабинете. Когда ваша душа истощится, слушатели, не понимая как и почему, почувствуют, что ваши общие молитвы почти не питают их. Возможно, они заметят вашу бесплодность раньше вас самих. Затем упадок обнаружится и в проповедях. Вы можете пользоваться столь же удачно выбранными словами и столь же стройными предложениями, как прежде, но утрата духовной силы будет ощутима. Вы встряхнётесь, как в прежние времена, — так поступил Самсон, — и обнаружите, что великая сила оставила вас. В повседневном общении с паствой люди скоро заметят это повсеместное угасание благодатных качеств. Зоркие глаза увидят первые седые волосы гораздо раньше вас. Если человек страдает болезнью сердца, в ней заключены все прочие беды: страдают желудок, лёгкие, внутренние органы, мышцы и нервы. Так и духовное ослабление сердца вскоре даёт почувствовать своё иссушающее действие всей жизни. Более того, из-за вашего упадка в той или иной мере пострадает каждый слушатель. Сильные преодолеют угнетающее влияние, но слабым будет причинён серьёзный вред. Между нами и слушателями такое же соотношение, как между карманными и городскими часами. Если наши часы идут неверно, это почти никого, кроме нас, не введёт в заблуждение; но если собьются часы Конной гвардии или Гринвичской обсерватории, половина Лондона потеряет счёт времени. Таков и служитель: он — приходские часы; многие сверяются по нему, и если он неточен, все они в большей или меньшей степени сбиваются. Он несёт

значительную долю ответственности за грех, к которому тем самым побуждает. Братья мои, нам невыносимо об этом думать. Нельзя спокойно задержаться на этой мысли даже на минуту — и всё же мы должны смотреть ей в лицо, чтобы уберечься от такой беды.

[23] Помните также, что нам требуется особенно сильное благочестие, потому что опасность, грозящая нам, гораздо больше, чем опасность для других. В целом нет положения, которое подвергалось бы столь сильному натиску искушений, как служение. Вопреки распространённому мнению, будто наша жизнь — уютное убежище от искушений, наши опасности многочисленнее и коварнее тех, с которыми встречаются обычные христиане. Наше положение может быть выгодной высотой, но эта высота опасна, и для многих служение стало Тарпейской скалой. Если спросить, каковы эти искушения, нам не хватит времени перечислить их все. Среди них есть и грубые, и утончённые. К грубым относится невоздержанность за столом: у гостеприимных людей поводов для неё предостаточно. Есть и плотские искушения, непрестанно окружающие молодых неженатых мужчин, возвышенных среди восхищённого множества молодых женщин. Но довольно об этом: собственная наблюдательность вскоре покажет вам тысячи ловушек, если только ваши глаза не ослеплены. Есть более тайные сети, из которых труднее вырваться; худшая из них — превращение веры в служебную обязанность: привычка читать Библию как служитель, молиться как служитель, исполнять всю свою религиозную жизнь так, словно она касается нас лишь по должности, а не лично. Утратить личный характер покаяния и веры — поистине тяжёлая утрата. «Никто, — говорит Джон Оуэн, — не проповедует хорошо другим,

если прежде не проповедует собственному сердцу». Братья, придерживаться этого чрезвычайно трудно. Вместо того чтобы помогать нашему благочестию, как утверждают некоторые, должность из-за испорченности нашей природы становится одним из самых серьёзных препятствий для него; по крайней мере, я испытываю именно это. Как мы сопротивляемся и боремся с формальным исполнением обязанностей — и как легко оно всё же обвивает нас, словно длинная одежда, которая путается в ногах бегуна и мешает ему бежать! Дорогие братья, берегитесь этого и всех прочих соблазнов своего призвания. Если до сих пор вы были бдительны, продолжайте бодрствовать до последнего часа жизни. Мы назвали лишь одну опасность, а их поистине легион. Великий враг душ не оставляет ни одного средства неиспробованным, чтобы погубить проповедника. «Внимайте себе, — говорит Бакстер, — потому что искуситель направит на вас свой первый и самый яростный натиск. Если вы выступите предводителями в борьбе с ним, он не пощадит вас ни в чём, кроме того, в чём Бог удержит его. Он сильнее всего злобствует против тех, кто намерен причинить ему наибольший вред. Как он ненавидит Христа больше, чем любого из нас, потому что Христос — Полководец и Вождь нашего спасения, делающий против царства тьмы больше, чем весь остальной мир, так по той же причине он уделяет предводителям под началом Христа больше внимания, чем простым воинам, соразмерно их положению. Он знает, какое смятение может внести в остальных, если предводители падут у них на глазах. Он давно испытал этот способ войны: сражаться, сравнительно говоря, “ни с малым, ни с великим”, а прежде всего с ними, “поражать пастырей, чтобы рассеять стадо”. Успех его был столь

велик, что он будет следовать этому способу, пока сможет. Поэтому внимайте себе, братья: враг особенно пристально смотрит на вас. Вам достанутся его тончайшие внушения, непрестанные уговоры и жестокие нападения. Как бы ни были вы мудры и учёны, берегитесь, чтобы он не перехитрил вас. Дьявол — больший учёный, чем вы, и более ловкий спорщик. Ради обмана он способен принять вид ангела света; он проникнет к вам и собьёт с ног прежде, чем вы это заметите. Он незаметно разыграет перед вами свои фокусы, обманом лишит веры или непорочности, а вы даже не узнаете об утрате. Больше того, он заставит вас поверить, будто утраченное умножилось и возросло. Когда он поднесёт наживку, вы не увидите ни крючка, ни лесы, ни тем более самого искусного рыболова. Приманки будут так точно подобраны к вашему нраву и складу, что он непременно найдёт преимущество внутри вас самих, заставит собственные убеждения и склонности предать вас; всякий раз, когда он вас губит, он делает вас орудием вашей же гибели. О, каким торжеством он сочтёт возможность сделать служителя ленивым и неверным, вовлечь его в корыстолюбие или позор! Он будет хвалиться перед церковью: “Вот ваши святые проповедники! Смотрите, чего стоит их строгость и куда она их приводит!” Он станет хвалиться перед Самим Иисусом Христом: “Вот Твои защитники! Я могу заставить лучших Твоих слуг оскорблять Тебя; могу сделать неверными домоправителей Твоего дома”. Если он так дерзко говорил Богу на основании ложного предположения и уверял, что заставит Иова проклясть Его в лицо (Иов 1:2), то что будет, если ему действительно удастся одолеть нас? Наконец, он станет издеваться и над вами: ведь ему удалось заставить вас изменить великому

доверию, запятнать святое звание и столько послужить тому, кто был вашим врагом. О, не доставляйте сатане такого удовольствия! Не давайте ему столь весёлого зрелища! Не позволяйте обращаться с вами, как филистимляне с Самсоном: сперва лишить силы, потом выколоть глаза, а затем сделать предметом торжества и насмешки».

[24] И ещё: нам следует взращивать благочестие в самой высокой степени, потому что этого настоятельно требует наша работа. Труд христианского служения совершается хорошо ровно настолько, насколько сильна наша обновлённая природа. Наше дело благополучно лишь тогда, когда благополучны мы сами. Каков работник, такова и работа. Противостоять врагам истины, защищать твердыни веры, хорошо управлять домом Божьим, утешать всех скорбящих, назидать святых, направлять растерянных, терпеть своенравных, приобретать и взращивать души — всё это и тысяча других дел предназначены не Малодушному и не Хромающему, а Великодушному, которого Господь укрепил для Себя. Поэтому ищите силы у Сильного, мудрости у Премудрого — словом, всего у Бога всего сущего.

25 В-третьих, пусть служитель заботится о том, чтобы его личный облик во всём соответствовал его служению.

26 Все мы слышали о человеке, который так хорошо проповедовал и так плохо жил, что, когда он находился на кафедре, все говорили: ему никогда не следует с неё сходить; а когда он был вне её, все утверждали: ему никогда не следует на неё подниматься. Да избавит нас Господь от подражания такому Янусу! Да не будем мы священниками Божьими у алтаря и сынами Велиала за дверью скинии. Напротив, будем, как Назянзин говорит о Василии, «греметь учением и сверкать жизнью». Мы не доверяем двуличным людям; не поверят и нам, если свидетельство наших слов противоречит свидетельству поступков. Поскольку, согласно пословице, дела говорят громче слов, дурная жизнь непременно заглушит самое красноречивое служение. В конце концов, самое настоящее созидание совершается нашими руками; наш характер должен убеждать сильнее нашей речи. Здесь я хотел бы предостеречь вас не только от грехов поступка, но и от грехов упущения. Слишком многие проповедники забывают служить Богу вне кафедры: их жизнь противоречит проповеди тем, чего они не делают. Дорогие братья, отвергните с отвращением мысль стать заводными служителями, которые живут не постоянным присутствием благодати внутри, а временным внешним воздействием. Такие люди бывают служителями лишь на время, под давлением часа служения, и перестают быть ими, сойдя по ступеням кафедры. Истинные служители остаются служителями всегда. Слишком многие проповедники похожи на песочные игрушки, которые мы покупаем детям: перевернёшь коробочку — маленький

акробат крутится и крутится, пока не пересыплется песок, а потом повисает неподвижно. Так и некоторые продолжают служить истине лишь пока к этому обязывает должность; дальше же — нет платы, нет «Отче наш»; нет жалованья, нет проповеди.

27 Страшно быть служителем, чья жизнь противоречит его словам. О нашем Господе говорится, что Он был подобен Моисею, потому что был «пророк, сильный в деле и слове». Человеку Божьему следует и здесь подражать своему Учителю: быть сильным и словом учения, и делом примера, а если возможно, то вторым ещё сильнее. Примечательно, что единственная имеющаяся у нас церковная история — это «Деяния апостолов». Святой Дух не сохранил их проповедей. Они были очень хороши — лучше всех, которые нам когда-либо удастся произнести, — и всё же Святой Дух позаботился именно об их «деяниях». У нас нет книг апостольских постановлений. Когда мы проводим церковные собрания, то записываем протоколы и решения, но Святой Дух записывает «деяния». Наши дела должны быть достойны записи, потому что они будут записаны. Нам следует жить под непосредственным взглядом Бога, словно в сиянии великого дня, который всё обнаружит.

28 Святость служителя — одновременно его главная необходимость и лучшее украшение. Одного нравственного совершенства недостаточно: требуется высшая добродетель. Последовательность характера необходима, но она должна быть помазана священным освящающим елеем; иначе недостанет того, что делает нас особенно благоуханными перед Богом и людьми. Старый Джон Стоутон в сочинении «Достоинство и долг проповедника» настаивает на святости служителя в таких

веских выражениях: «Если Оза должен был умереть за одно прикосновение к ковчегу Божьему, притом ради того, чтобы удержать его от падения; если жители Вефсамиса — за то, что заглянули в него; если даже животным, приблизившимся к святой горе, грозит смерть, — то какими должны быть люди, допущенные к доверительной беседе с Богом, к тому, чтобы “предстоять пред Ним”, как ангелы, и “всегда видеть лицо Его”, “нести ковчег на плечах”, “нести имя Его перед народами”, — словом, быть Его посланниками? “Дому Твоему, Господи, принадлежит святость”. Разве не нелепо вообразить, будто сосуды должны быть святы, облачения святы, всё должно быть свято, и лишь тот, на чьей одежде написано “Святыня Господня”, может быть несвятым? Будто конские колокольчики у Захарии должны иметь надпись о святости, а колокольчики святых, колокольчики Аарона, могут остаться неосвящёнными? Нет, они должны быть “горящими и светящими светильниками”, иначе их влияние будет испускать нечто зловредное. Они должны “жевать жвачку и иметь раздвоенные копыта”, иначе нечисты; должны верно преподавать слово и прямо ходить в жизни, соединяя жизнь с учением. Если святости нет, посланники бесчестят страну, из которой пришли, и государя, который их послал. И этот мёртвый Амессай — это мёртвое учение, не оживлённое доброй жизнью, — лежит на дороге и останавливает народ Господень, не давая ему бодро продолжать духовную брань».

[29] Жизнь проповедника должна быть магнитом, привлекающим людей ко Христу; поистине печально, когда она отталкивает их от Него. Святость служителей — громкий призыв грешникам к покаянию; соединённая со святой радостью, она становится удивительно привлекательной. Джереми Тейлор говорит своим

богатым языком: «Голуби Ирода никогда не привлекли бы в свои голубятни столько чужих птиц, если бы их не смазывали опобальзамом. Ведь Дидим сказал: “ἐὰν μύρῳ χρίσῃς τὰς περιστερὰς, καὶ ἔξωθεν ἄλλας ἄξουσιν” — “сделай своих голубей благоуханными, и они привлекут целые стаи”. Если твоя жизнь превосходна, если твои добродетели подобны драгоценному миру, ты вскоре побудишь вверенных тебе людей устремиться “in odorem unguentorum” — “на благоухание твоих мастей”. Но ты должен отличаться не “tanquam unus de populo” — “как один из народа”, а “tanquam homo Dei” — “как человек Божий”. Ты должен быть человеком Божьим, жить не по обыкновенному человеческому образцу, а “по сердцу Божьему”; люди будут стремиться уподобиться тебе, если ты уподобляешься Богу. Но если ты стоишь лишь у дверей добродетели, единственно затем, чтобы не впустить грех, ты привлечёшь в Христову ограду только тех, кого загоняет туда страх. “Ad majorem Dei gloriam” — “делать то, что больше всего прославит Бога”, — вот правило твоего пути. Ибо делать лишь то, что обязан делать всякий, — свойство раба, ещё не сыновняя любовь; тем менее можешь ты быть отцом для народа, если не достигаешь даже меры сынов Божьих. Ведь закрытый фонарь, хотя с одной стороны в нём и теплится слабый свет, едва осветит путь одному человеку; тем более он не поведёт множество и не привлечёт многих последователей сиянием своего огня».

30 Другой, не менее замечательный епископ-богослов[1] метко и кратко сказал: «Звезда, приведшая мудрецов ко Христу, и огненный столп, ведший сынов Израиля в Ханаан, не только светили, но и шли впереди них (Матфей 2:9; Исход 13:21). Голос Иакова принесёт мало пользы, если руки — руки Исава. Закон запрещал человеку с

каким-либо телесным недостатком приносить жертвы Господу (Левит 21:17–20); этим Господь учил нас, какие благодатные качества должны быть у Его служителей. На одежде священника должны были находиться колокольчики и гранатовые яблоки: первые изображали здравое учение, вторые — плодоносную жизнь (Исход 28:33–34). Господь явит Свою святость в тех, кто приближается к Нему (Исаия 52:11); грехи священников вызывают у народа отвращение к приношению Господню (1 Царств 2:17). Их нечестивая жизнь бесчестит их учение. “Passionem Christi annunciant profitendo, male agendo exhonorant”, — как говорит блаженный Августин: “исповеданием возвещают страдания Христа, злыми делами бесчестят их”. Учением они созидают, а жизнью разрушают. Завершу эту мысль полезным отрывком из письма Иеронима к Непотиану: “Пусть твои дела, — говорит он, — не посрамляют твоего учения, чтобы слушающие тебя в церкви не отвечали про себя: почему ты сам не делаешь того, чему учишь других? Слишком изнежен тот наставник, который с полным брюхом убеждает других поститься. И разбойник может обличать корыстолюбие. Sacerdotis Christi os, mens, manusque concordent — у служителя Христа должны быть в согласии уста, сердце и рука”».

[31] Весьма выразительно говорит и Томас Плейфер в сочинении «Хорошо говори, хорошо поступай»: «В городе Смирне был смешной актёр: произнося “O coelum! О небо!”, он указывал пальцем на землю. Когда Полемон, один из самых видных людей города, увидел это, он не смог больше оставаться и в сильном раздражении покинул общество со словами: “Этот глупец сделал грамматическую ошибку рукой, он сказал дурную латынь пальцем”. Таковы и те, кто хорошо учит, но дурно

поступает: небо у них на кончике языка, а земля — на кончике пальца. Они не только говорят неверную латынь языком, но и ложное богословие руками; их жизнь не соответствует проповеди. Но Сидящий на небесах посмеётся над ними и освищет их со сцены, если они не исправят своей игры».

[32] Даже в мелочах служителю следует заботиться о соответствии жизни своему служению. Особенно важно никогда не нарушать данного слова. Здесь нужно доходить до щепетильности: осторожность не может быть излишней. Истина должна не только жить в нас, но и сиять из нас. Один знаменитый лондонский доктор богословия — прекрасный и благочестивый человек, ныне, я не сомневаюсь, пребывающий на небесах, — однажды в воскресенье объявил, что собирается посетить всех своих прихожан. Чтобы успеть за год побывать у каждого и у его семьи, он намеревался обходить по порядку всех занимавших места в храме. Один хорошо знакомый мне человек, тогда бедняк, обрадовался мысли, что служитель придёт к нему домой. За неделю или две до предполагаемой очереди жена стала особенно тщательно подметать очаг и поддерживать порядок в доме, а муж спешил пораньше вернуться с работы, каждый вечер надеясь застать доктора. Так продолжалось довольно долго. Но доктор то ли забыл обещание, то ли устал его исполнять, то ли по иной причине так и не пришёл в дом этого бедняка. В результате человек потерял доверие ко всем проповедникам и говорил: «О богатых они заботятся, а до нас, бедных, им нет дела». Много лет он не мог остановиться ни на одной общине, пока наконец случайно не зашёл в Эксетер-холл. После этого он годами оставался моим слушателем, пока Провидение не увело его от нас. Мне было нелегко убедить его, что служитель

вообще может быть честным человеком и одинаково любить богатых и бедных. Будем избегать подобного вреда, чрезвычайно внимательно относясь к своему слову.

33 Мы должны помнить, как пристально за нами наблюдают. Людям обычно не хватает дерзости нарушать закон на глазах у окружающих; мы же живём и действуем именно в такой открытости. За нами следят тысячи орлиных глаз. Будем поступать так, чтобы нам не пришлось тревожиться, даже если к зрителям присоединятся всё небо, вся земля и весь ад. Наше публичное положение — великое преимущество, если мы способны являть в своей жизни плоды Духа. Смотрите, братья, не упускайте его.

34 Говоря вам, дорогие братья, заботиться о своей жизни, мы имеем в виду даже мельчайшие черты характера. Избегайте мелких долгов, непунктуальности, сплетен, обидных прозвищ, пустячных ссор и всех прочих небольших пороков, от которых в благовонии заводятся мухи. Мы не должны допускать потакания себе, погубившего доброе имя столь многих. Нам следует целомудренно избегать фамильярности, из-за которой другие оказались под подозрением. Нужно отказаться и от грубости, сделавшей некоторых неприятными, и от щегольства, сделавшего других смешными. Мы не вправе подвергаться большим опасностям из-за мелочей. Нашей заботой должно быть соблюдение правила: «Никому ни в чём не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение».

35 Это не означает, что мы обязаны подчиняться каждой прихоти или моде общества, в котором вращаемся. Вообще я ненавижу светские моды и терпеть не могу условности; если бы счёл правильным нарушить

какое-нибудь правило этикета, то сделал бы это с удовольствием. Нет, мы люди, а не рабы; мы не должны отказываться от своего человеческого достоинства и свободы, превращаясь в лакеев тех, кто изображает благородство или хвалится утончённостью. И всё же, братья, от всего, что приближается к грубости, сродной греху, нужно бежать, как от гадюки. Правила Честерфилда кажутся нам смешными, но пример Христа — нет; а Он никогда не был грубым, низким, неучтивым или бестактным.

36 Даже во время отдыха помните, что вы служители. Вне строя вы всё равно остаётесь офицерами Христова воинства и должны вести себя соответственно. Но если нужно следить за малым, то насколько внимательнее следует относиться к великим вопросам нравственности, честности и цельности! Здесь служитель не должен терпеть неудачу. Его частная жизнь обязана всегда звучать в согласии со служением, иначе его день скоро закатится. И чем раньше он тогда уйдёт, тем лучше: оставаясь в должности, он лишь бесчестит дело Божье и губит самого себя.

37 Братья, время, отведённое нашей лекции, истекло; нам пора закончить.

Примечания

1. Епископ Рейнольдс. Примечание Сперджена; относится к цитируемому здесь богослову. ↑

2. В издании 1875 года напечатана ссылка «Иов 1:2». Описанное высказывание сатаны находится в Иов 1:11; ср. также 2:5. Неточная ссылка сохранена как особенность оригинала. ↑

3. Слова об освящении Господа в приближающихся к Нему соответствуют Левит 10:3. В историческом издании в этом месте дана ссылка «Исаия 52:11» — стих о чистоте несущих сосуды Господни. Ссылка оригинала сохранена. ↑

4. Утверждение о том, что Святой Дух сохранил деяния, а не проповеди апостолов, — риторическое противопоставление автора. В книге Деяний присутствуют речи Петра, Стефана, Павла и других; слова Сперджена не следует понимать как буквальное отрицание этого. ↑

5. Малодушный, Хромающий и Великодушный — аллегорические персонажи второй части «Путешествия пилигрима» Джона Беньяна (Feeble-mind, Ready-to-halt, Great-heart). Автор использует их имена как образы духовной слабости и силы. ↑

6. Тарпейская скала — обрыв на Капитолийском холме в древнем Риме, с которого сбрасывали осуждённых. Здесь — образ высоты, ставшей местом гибели. ↑

7. Амессай — военачальник, убитый Иоавом. Его тело, лежавшее на дороге, останавливало проходивших воинов (2 Царств 20:9–13; в английской нумерации 2 Samuel). ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн